

МАРИАННА РЯБИНИНА

ХРОНИКИ МАРЬЯНЫ: ОСТРОВ БУЯН

Марианна Рябинина
Хроники Марьяны:
Остров Буян
Серия «Хроники Марьяны», книга 2

*<https://litres.ru/73834504>
SelfPub; 2026*

Аннотация

Что, если остров из детских сказок существует на самом деле? Я, ведунья Марьяна, попала туда по зову Морены, богини Смерти. Буян — не просто клочок земли. Когда-то он был центром миров, но угас, забытый богами. Теперь он возрождается.

Здесь оживают тени прошлого, древние духи испытывают душу на прочность, а каждое решение меняет судьбу. В сердце острова — камень Алатырь и Древо Нави, сокрывшее осколок первозданной тьмы.

Здесь я встретила Ягу, Лешего, Кощея.. Здесь я узнала, что живу не первую жизнь.

И здесь я должна решить: отдать Сердце Вечной Ночи (осколок первозданной тьмы) Морене — что грозит вечным пленом, оставить себе — или изменить судьбу всех, кто заперт в вечности.

Я — Марьяна. Ведунья. Страж Порога. И мой выбор решит всё.

Содержание

Глава 1 Зов Морены	5
Глава 2 Печур	13
Глава 3. Кикиморово болото	23
Глава 4 Леший	35
Глава 5 Калинов мост	44
Глава 6 Кощей	52
Глава 7 Мёртвое озеро	62
Конец ознакомительного фрагмента.	64

Марианна Рябинина

Хроники Марьяны:

Остров Буян

Глава 1 Зов Морены

Я открыла глаза и увидела небо. Слишком синее, звенящее, как натянутая струна. Песок под щекой был тёплым, крупным, перемешанным с перламутровой крошкой. Море дышало рядом — мерно, тяжело, как огромный зверь, который принёс меня сюда и ушёл обратно в глубину.

Я помнила его. Помнила солёную воду, что сомкнулась над головой, помнила голос — не словами, а ощущением: «Тебя ждут. Давно ждут. Я только проводник». Понт Эвксинский. Дух Чёрного моря. Он не спрашивал, хочу ли я. Он просто знал, что я пойду. И я пошла. Потому что зов, прозвучавший в его волнах, был древнее моего страха.

Я села, опираясь на локти. Плащ, пропитанный воском и болотной сыростью, прилип к плечам. Посох — подарок Велеса Древа — лежал рядом. Я сжала его, и привычное теп-

по разлилось по ладони. Лим был здесь — холодным пятном за левым плечом, молчаливым, но живым. После всего, что мы пережили, его присутствие стало не просто защитой, а частью дыхания.

Впереди, у самой кромки леса, стоял дом. Хрустальный. Прозрачный, звенящий на ветру, с острыми гранями, которые дробили небо на тысячи осколков. Я уже видела такой — во снах, в видениях, в тех редких мгновениях, когда грань между мирами истончалась и мне позволялось заглянуть дальше обычного. Дом Морены. Я знала это так же твёрдо, как знала своё имя.

Я поднялась, отряхнула песок с плаща и пошла к дому. Лим скользнул следом, его холод стал плотнее — он чувял божественное присутствие и готовился. Но страха не было. Только странное, тягучее чувство, что всё это — берег, небо, хрустальные стены — не случайность. Что меня вели сюда с самого начала. С первого вздоха, с первого шага за Грань.

Дверь отворилась сама. Внутри было пусто и зеркально — пол, потолок, стены, всё отражало и множило свет. В центре, на каменном возвышении, билось ледяное пламя — белое, холодное, без тепла. А рядом стояла она.

Морена. Богиня смерти, зимы и вечного покоя. Но не ста-

руха с косой, не костлявая ведьма из страшных сказок. Женщина. Высокая, статная, с волосами цвета инея, убранными в тяжёлую косу. Кожа её была бледной, почти прозрачной, а глаза — без зрачков, как два осколка льда, в которых отражалась вечность. Она была прекрасна той страшной, нечеловеческой красотой, от которой замирает сердце и хочется то ли пасть на колени, то ли бежать без оглядки.

Я не сделала ни того, ни другого. Просто остановилась у порога и встретила её взгляд.

— Ты пришла, — сказала она. Голос был тихим, но звенел, как тонкий лёд под ногами. — Долго же я тебя ждала, Марьяна.

— Ты звала меня, — ответила я. — Понт принёс твой зов. Зачем?

Морена медленно обошла ледяное пламя и приблизилась. Её шаги не оставляли следов на зеркальном полу. Она остановилась в двух шагах, и я почувствовала холод — не тот, что от Лима, а другой. Глубинный, древний, как сама смерть.

— Ты — редкая душа, Марьяна, — произнесла она. — Рождённая мёртвой и вернувшаяся. Хранительница Порога. Та, что ходит между мирами и говорит с духами, богами и

людьми на равных. Таких, как ты, мало. Очень мало. А мне нужна именно такая.

Она подняла руку, и в воздухе перед ней возник образ — призрачный, колеблющийся. Я увидела огромный дуб, растущий посреди чёрной воды. Его корни уходили в бездну, а ветви терялись в тумане. В самом центре дуба предмет — маленький, тёмный, неразличимый.

— Это Древо Нави, — сказала Морена. — Оно растёт там, куда нет хода ни богам, ни смертным. Только такие, как ты, могут ступить на его корни и не сгинуть. Там в сердце древа лежит Сердце Вечной Ночи. Осколок первозданной тьмы, из которой когда-то родилась я сама. Я не могу взять его — боги не властны над тем, что древнее богов. Но ты можешь.

Она опустила руку, и видение исчезло.

— Я ждала тебя очень долго, Марьяна. Ждала, пока ты родишься, пока умрёшь и вернёшься, пока пройдёшь свой путь и станешь той, кто ты есть. Теперь ты здесь. И я прошу тебя: достань Сердце Вечной Ночи. Верни его мне. А взамен я дам тебе то, что ты ищешь сама, даже если ещё не знаешь об этом.

Я молчала. Лим за спиной был напряжён, его холод пуль-

сировал в такт моему сердцу. Он не доверял Морене. Я чувствовала это каждой клеткой. Но в её словах не было лжи — только древняя, вымороженная тоска. Тоска по чему-то, что было утрачено задолго до появления людей.

— Почему я? — спросила я. — Таких, как я, мало, но они есть. Почему именно я?

Морена посмотрела на меня долгим, изучающим взглядом. Потом её губы дрогнули в подобии улыбки — холодной, но не злой.

— Потому что ты — не просто Хранительница Порога. Ты — дитя двух миров. Ты умерла и вернулась не одна. Твоя тень, — она перевела взгляд на Лима, и тот сжался, стал плотнее, — она не просто страж. Она — часть самой Грани, привязавшаяся к тебе. Вместе вы — ключ к тем вратам, что не открывались с начала времён. Другие могут пройти. Ты — можешь открыть.

Она протянула руку и коснулась моей левой ладони. Печать, о которой я не помнила, но которая всегда была со мной, вспыхнула холодным светом. Круг ночного неба с крошечной звездой в центре.

— Я дополню твою печать, — сказала Морена. — Дам

тебе три дара. Они помогут в пути. Потратишь — дальше сама.

Из звезды вырос прозрачный кристалл — острый, холодный, как застывшая капля росы.

— Сорвёшь — станет клинком. Разрежешь нить судьбы — разорвёшь старый узел. Вставишь в землю — вырастет ключ.

Она провела рукой над кругом, и он засветился тусклым, почти чёрным светом.

— Погасишь — станешь невидимой. Зажжёшь — увидишь то, что спрятано в сердце.

Слеза скатилась из её глаза и застыла прозрачной каплей на моей ладони.

— Проглотишь — почувствуешь чужую боль. Разотрёшь — излечишь свою. Бросишь в воду — поднимется буря.

Она отпустила мою руку и отступила.

— Это на три случая. Потратишь — дальше сама.
Я смотрела на дары, на печать, на богиню передо мной.

В голове роились вопросы. Где Древо Нави? Как до него добраться? Что будет, если я откажусь? Но по взгляду Морены я поняла: она не ответит. Или ответит так, что станет только больше загадок.

И тогда я задала тот вопрос, который жёг изнутри с того самого мига, как я увидела её:

— Зачем тебе Сердце Вечной Ночи? Что ты будешь с ним делать?

Морена замерла. Тишина в хрустальном доме стала такой плотной, что, казалось, её можно резать ножом. А потом она засмеялась — тихо, дребезжаще, как треск льда на весенней реке.

— Ты спрашиваешь о том, чего сама боишься услышать, — сказала она, отсмеявшись. — Хорошо. Я отвечу. Не загадкой, не ложью. Правдой.

Она подошла ближе, и её ледяные глаза оказались вровень с моими.

— Я устала, Марьяна. Устала быть той, кто забирает, но никогда не отдаёт. Устала быть концом без начала. Сердце Вечной Ночи — это часть меня, которую я потеряла при рож-

дении этого мира. Часть, которая умела не только забирать жизнь, но и давать её. Я хочу вернуть её. Хочу снова стать целой. Не только Смертью, но и Жизнью. Как было когда-то, до того, как боги разделили всё на свет и тьму, явь и навь, начало и конец.

Она отступила, и её лицо снова стало непроницаемым.

— Теперь иди. Остров Буян — это врата. Пройди его до конца, и ты найдёшь путь к Древу. А я буду ждать. Как ждала уже много веков.

Я вышла из хрустального дома, и он рассыпался за моей спиной тысячей осколков. Лим скользнул ближе, его холод был тревожным. Он не верил Морене. Я тоже не до конца. Но в её словах была правда — та, что звенит в костях, когда слышишь её.

Я сжала посох и шагнула в лес. Впереди был остров. Испытания. И где-то в его сердце — путь к Древу Нави. К Сердцу Вечной Ночи. К тому, что может изменить не только мою судьбу, но и судьбу самой Смерти.

А может, и не может. Это уж как пойдёт.

Глава 2 Печур

Лес встретил меня тишиной — не мёртвой, а слушающей. Ветви старых дубов и грабов сплетались над головой, пропуская ровно столько света, чтобы тропа казалась золотистой рекой, текущей меж тёмных стволов. Я шла, опираясь на посох, и Лим скользил за левым плечом — молчаливый, собранный, как перед грозой. После хрустального дома Морены он стал плотнее, холоднее, словно сама богиня вдохнула в него новую силу. Или старую память.

Я думала о Сердце Вечной Ночи. О Древе Нави, что растёт там, куда нет хода ни богам, ни смертным. О том, что Морена ждала меня веками — меня, родившуюся мёртвой и вернувшуюся. Тяжесть этого знания не давила, а странным образом расправляла плечи. Меня не просто занесло на Буян волей случая. Меня призвали. Значит, я нужна. Значит, мой дар — не проклятие, а ключ. Оставалось понять, к какой двери. Тропа вильнула влево, потом вправо и вдруг вывела на поляну, которой здесь быть не должно. Круглую, как блюдце, поросшую низкой, примятой травой, словно по ней долго ходили. В центре поляны стояла печь.

Огромная, сложенная из дикого камня, почерневшего от

времени и копоты. Без избы, без стен — только печь, как древний алтарь, вросший в землю. Устье зияло чёрным провалом, но изнутри шло тепло — живое, ровное, пахнущее дымом, печёным хлебом и чем-то ещё, неуловимо знакомым. Сухие травы? Старый воск? Я приняхалась. Полынь. И мята. Бабушкин сбор.

Я подошла ближе и тут заметила то, что упустила сразу. Печь не стояла на земле. Она возвышалась на двух мощных, когтистых куриных лапах, покрытых чешуёй и поросших седым мхом. Лапы перебирали траву, словно печь пританцовывала на месте от нетерпения.

— Ну, чего встала? — раздалось из устья. Голос был скрипучий, ворчливый, но не злой. Так ворчит старый дед на любимую внучку, которая опять пришла без гостинца. — Заходи, коли пришла. Только ноги вытри. Не хватало мне ещё ведуньей грязи в поддувале.

Я наклонилась, заглянула внутрь. В глубине печи, среди углей и золы, сидел он. Маленький, не выше моего локтя, с бородой, похожей на клочок серого дыма, и глазами — двумя алыми угольками, что мерцали, как уютные угли в очаге. Одет в прожжённый передник, в руках — кочерга, которой он ворошил жар.

— Дух-печник, — сказала я не вопрос, а утверждение.

— Он самый, — буркнул он. — Зови Огневиком. Или Печуром. Как хочешь. Только не «эй, ты». Я тебе не леший какой.

Я села на траву перед устьем, скрестив ноги. Лим остался за спиной, но я чувствовала, как его холод смешивается с теплом печи, создавая странное, зыбкое равновесие.

— Ты ждал меня? — спросила я.

— Ждал — не ждал, а чуял, — проворчал он, помешивая угли. — Тут, на Буяне, каждый чужак — как искра в трубу. Далеко видно. Особенно такая, как ты. От тебя порогом пахнет. И ещё — он принюхался, угольки глаз вспыхнули ярче, — Смертью пахнет. Но не той, что косит, а той, что нити прядёт. Была у Морены?

Я кивнула.

— Ну-ну — Печур покачал головой, и дым из его бороды поплыл кольцами. — Значит, по серьёзному делу. К Древу Нави идёшь, стало быть. За Сердцем Вечной Ночи.

Я вздрогнула.

— Откуда ты знаешь?

— А я много чего знаю, — усмехнулся он. — Печь — она не только греет, она ещё и слушает. Веками тут стою, всякое слышал. И про Древо, и про Сердце, и про тех, кто до тебя пытался дойти. Никто не вернулся. Но ты — он пристально посмотрел на меня, — ты другая. В тебе сама Грань дышит. Может, у тебя и выйдет.

Он подался вперёд, и его голос стал тише, но отчётливее, словно потрескивание поленьев.

— Слушай, Ведунья. Дам тебе три совета. Два — пустое, как зола вчерашняя. Один — верный, как огонь в очаге. А какой верный — сама реши. Я не скажу.

Он прокашлялся, выбив из бороды облачко пепла.

— Первый совет: иди на восток, туда, где солнце встаёт из-за моря. Там, на семи ветрах, стоит дуб с дуплом, а в дупле — свиток. Прочтёшь — узнаешь кратчайший путь к Древу Нави. Но пока читать будешь, корни дуба оплетут ноги, и останешься стоять навечно, как дерево.

— Второй совет: иди на запад, туда, где солнце в воду са-

дится. Там, на камне у самой кромки, сидит птица Гамаюн. Загадай ей загадку про Сердце Вечной Ночи. Отгадает — унесёт тебя прямо к Древу. Не отгадает — склюёт. Но ты же ведунья, загадок знаешь много.

— Третий совет: иди прямо, через лес, никуда не сворачивая. Придёшь к озеру с мёртвой водой. Зачерпни её левой рукой, той, что с печатью. Вода закипит, но не обожжёт. Выпьешь — и увидишь то, что спрятано от всех глаз, в том числе и путь к Древу. Но после этого обратной дороги не будет. Останешься на Буяне навсегда.

Он замолчал, уставившись на меня угольками глаз. В печи что-то тихо потрескивало. Я молчала, переваривая. Три пути. Три цены. И снова выбор.

— Это всё? — спросила я наконец. — Никаких подсказок?

— Огонь подсказок не даёт, — отрезал Печур. — Огонь греет, светит и жжёт. А куда идти — сама решай. У тебя дары Морены есть. Может, помогут. А может, запутают.

Я хотела уже подняться, но что-то удержало. Я снова посмотрела на печь, на её куриные лапы, на одинокое устье, из которого тянуло не только теплом, но и древней, застарелой

тоской.

— Печур, — сказала я тихо, — а почему печь без избы стоит? Что с домом случилось?

Он замер. Кочерга в его руке дрогнула. Угольки глаз потускнели, стали почти чёрными. Долгое время он молчал, и только дым из бороды вился тонкой, печальной струйкой.

— Изба — выдохнул он наконец, и голос его стал похож на скрип старого дерева, готового вот-вот рассыпаться. — Изба-то не простая была. Изба Бабы-яги. Костяной Ноги. Хозяйки моей.

Я затаила дыхание. Баба-яга. Та самая, из сказок. Костяная нога, ступа, помело, избушка на курьих ножках. Но в голосе Печура не было сказочного страха. Только боль. Настоящая, живая, человеческая.

— Мы с ней сколько веков вместе были, — продолжал он, глядя в угли. — Я грел, она кашеварила. Я сказки слушал, она их сказывала. Характер у неё, конечно, — он хмыкнул, — не сахар. Чуть что — кочергой в зубы. Но справедливая. И одинокая. Как и я. Мы друг друга понимали.

Он снова замолчал. Я не торопила. Лим за спиной тоже

притих, словно слушал.

— А потом кикиморы пришли, — выплюнул Печур, и в его голосе зазвенела старая ярость. — С болот своих поганых. Прикинулись подругами, стали ей сказки плести про дивный край, где трава шёлковая, вода живая, а одиночества нет вовсе. Она, глупая, поверила. Старая уже была, усталая. Думала — может, и правда есть место, где её ждут. Ушла с ними. А они её в трясину завели. В самое сердце Кикиморьего болота. Там и сгинула.

Он ударил кочергой по углям так, что искры взвились к своду печи.

— Изба без неё стояла-стояла, да и рассыпалась. Дерево — оно без хозяйского глаза гниёт быстро. Только я и остался. Да лапы куры, видишь, ещё держатся. Всё ждут. Всё надеются.

Он поднял на меня глаза, и в них больше не было ни ворчливости, ни лукавства. Только мольба. Древняя, глубокая, как сама эта печь.

— Марьяна, — сказал он, и моё имя в его устах прозвучало как заклинание. — Ты — та, что ходит между мирами. Ты — та, кого Морена веками ждала. Я чую в тебе силу, какой

у других нет. Если сможешь если путь твой ляжет через Кикиморье болото верни Ягу. Верни мою хозяйку. Только ты сможешь. Только ты пройдёшь туда, куда никто не ходит, и выйдешь обратно.

Он замолчал. В печи что-то осело, вздохнуло. Куриные лапы подо мной чуть дрогнули, словно тоже просили.

Я смотрела на этого маленького, древнего духа, на его прожжённый передник, на бороду из дыма, на угольки глаз, полные слёз, которые не могли пролиться, и чувствовала, как внутри что-то сжимается. Не жалость. Понимание. Я тоже знала, что такое ждать. Я тоже знала, что такое потерять того, кто был твоим домом.

— Я не обещаю, Печур, — сказала я тихо. — Мой путь ведёт к Древу Нави. Но если он ляжет через Кикиморье болото я сделаю всё, что смогу.

Он кивнул. Медленно, тяжело. Потом отвернулся и снова начал ворошить угли.

— Иди, Ведунья, — буркнул он. — Советы мои помни. И спасибо тебе. За то, что спросила. За то, что слушала.

Я поднялась, отряхнула плащ. Печать на левой ладони по-

теплела — то ли от близости огня, то ли от чего-то иного. Я поклонилась печи, как кланялась когда-то бабушкиному очагу.

— Я вернусь, Печур. Если смогу.

Он не ответил. Только дым из его бороды взвился выше, и на миг мне почудилось, что в его клубках проступил силуэт — сгорбленный, с длинным носом и косматой головой. То ли тень прошлого, то ли надежда.

Я вышла на тропу. Лес снова сомкнулся за спиной. Лим скользнул ближе, его холод был задумчивым.

Три совета. Три пути. И новая цель, о которой я не просила, но которая уже легла на сердце тяжёлым, тёплым грузом. Баба-яга. Кикиморье болото. Где-то там, впереди, среди испытаний Буяна, ждала душа, которую нужно вернуть.

Я шла, и тропа раздваивалась. Направо — восток, к дубу со свитком. Налево — запад, к птице Гамаюн. А прямо — лес, озеро с мёртвой водой и путь без возврата.

Я остановилась. Закрыла глаза. Вспомнила слова Печура: «В тебе сама Грань дышит». Вспомнила Морену: «Ты — дитя двух миров».

И пошла прямо. Потому что Порог звал прямо. Потому что я — Марьяна. Ведунья. Та, что ходит меж. И мёртвая вода, возможно, знает то, чего не знают ни дубы, ни вещие птицы.

А может, и не знает. Это уж как пойдёт.

Глава 3. Кикиморово болото

Я шла прямо. Тропа, что вела к озеру с мёртвой водой, стелилась под ноги ровно, без изгибов, но в груди сворачивался тугой узел. Не страх. Сомнение.

Лим скользил за левым плечом — молчаливый, собранный. После встречи с Печуром он стал тише обычного. Не холоднее, нет. Задумчивее. Я чувствовала, как в его безмолвии зреет вопрос: «Почему мы идём к озеру, когда сердце тянется к болоту?»

Он не спрашивал вслух. Лим вообще не говорил словами. Но я знала его достаточно, чтобы слышать молчание.

Я остановилась. Лес вокруг стоял густой, тёмный, но не враждебный. Ветви старого граба нависали над тропой, словно прислушиваясь. Где-то далеко стучал дятел — мерно, настойчиво, как сердце самого Буяна.

— Лим, — сказала я тихо. — Я не могу пройти мимо. Он не ответил, но его холод коснулся виска — мягко, понимающе. Он ждал.

— Печур он веками ждёт свою хозяйку. Веками греет пустую печь, слушает ветер и надеется. А она там, в болоте, без памяти, без себя. Кикиморы украли не просто Бабу-ягу. Они украли Хранительницу леса. Ту, что знает все тайны, все тропы, все корни. Если я пройду мимо — кто я после этого? Не ведунья. Не страж порога. Просто путница, которая испугалась сделать крюк.

Я замолчала. Дятел всё стучал. Лес слушал.

— И ещё, — добавила я, глядя в тёмную чашу, — если я спасу её, она будет мне должна. А должница-Яга это не просто благодарность. Это ключ к таким тайнам Буяна, о которых Морена, может, и сама не знает. Печур сказал: только я смогу. Значит, это часть моего пути. Не озеро. Болото.

Лим чуть потеплел — его способ сказать «да». Я развернулась и пошла влево, туда, где деревья становились ниже, кривее, а воздух — тяжелее, влажнее. Тропа исчезла почти сразу, но я не боялась заблудиться. Ведунья всегда чувствует воду. Особенно мёртвую. Особенно ту, что пахнет ложью и тиной.

Чем дальше мы заходили, тем сильнее менялся лес. Стволы покрывались мхом не только с севера, а со всех сторон — зелёным, бурым, чёрным. Почва под ногами стала пружинить, чавкать. Запахло болотом: сладковатой гнилью, засто-

явшейся водой, ржавчиной и чем-то пряным, как гниющие болотные лилии. Я вспомнила родное болото под окнами. Кочемара. Его ворчливую заботу. Здесь было иначе. Здесь трясина не дружила. Она охотилась.

Лим напрягся. Его форма стала плотнее, искры в глубине замерцали тревожно. Он чуял чужие взгляды.

Я тоже чуяла. Из глубины болота, из-за кривых стволов, из-под кочек, поросших осокой, на нас смотрели. Не глазами. Вниманием. Липким, жадным, оценивающим. Кикиморы.

Я не видела их, но знала: они здесь. Хозяйки трясины, духи застойной воды, сестры лжи и забвения. Те, кто украл Ягу, лишил памяти и заставил служить гниющему сердцу болота.

Я остановилась у края большой чёрной лужи, затянутой радужной плёнкой. Дальше — только кочки, полузатопленные стволы и туман, что поднимался от воды, как дыхание зверя.

— Я знаю, что вы здесь, — сказала я громко. Голос прозвучал глухо, словно тонул в вате. — Я пришла за Бабой-ягой. Верните ей память. Отпустите.

Тишина. Потом — смех. Тонкий, множественный, как звон разбитых колокольчиков. Из тумана, прямо из воды, начали подниматься фигуры. Не женщины. Не духи. Что-то среднее. Высокие, гибкие, с волосами, похожими на водоросли, и кожей, отливающей болотной зеленью. Глаза — большие, без зрачков, светящиеся тусклым болотным огнём. Одежды — струящиеся, как тина. Они были почти красивы. Почти.

Их было трое. Они встали полукругом, преграждая путь в глубь болота. Та, что по центру, самая высокая, с венком из кувшинок на голове, улыбнулась — и улыбка её была как трещина во льду: красивая и опасная.

— За Ягой? — пропела она голосом, похожим на журчание ручья. — А зачем тебе старая карга? Она своё отжила. Теперь она наша сестра. Кикимора болотная. Ей здесь хорошо. Тихо. Спокойно. Никто не тревожит.

— Вы украли её память, — отрезала я. — Вы лишили её себя. Это не покой. Это плен.

Кикимора рассмеялась, и две другие подхватили смех, как эхо.

— Плен? — она качнула головой, и водоросли зашевелились, как живые. — Она сама пришла. Сама выбрала. Мы только помогли забыть то, что тянуло назад. Теперь она служит болоту. И болото живёт. А без неё — она обвела рукой трясины, — без неё оно умирало. Путники перестали ходить. Никто не тонул. Никто не кормил корни. А Яга она силу даёт. Лесную, древнюю. С ней болото снова дышит.

Она сделала шаг ко мне, и её глаза вспыхнули ярче.

— Уходи, ведунья. Ты нам не нужна. Твоя сила — не лесная, не болотная. Чужая. Иди своей дорогой.

Я сжала посох. Лим за спиной стал ледяным — он готовился. Но я не хотела боя. Пока не хотела.

— Я не уйду без Яги, — сказала я. — Верните ей память. Отпустите со мной. И я уйду.

Кикимора посмотрела на меня долгим, изучающим взглядом. Потом перевела глаза на Лима — и улыбнулась иначе. Мягче. Ласковее. Опаснее.

— А ты — пропела она, обращаясь не ко мне, а к нему. — Тень. Страж. Холодный дух, привязанный к живой душе. Как тебе, должно быть, одиноко. Вечно за плечом. Вечно в

тени. Ни тела, ни голоса, ни своей воли.

Лим дрогнул. Я почувствовала это — лёгкую рябь в его холоде. Тревогу.

Кикимора протянула к нему руку, и её пальцы, длинные, бледно-зелёные, замерцали призрачным светом.

— Останься с нами, — прошелестела она. — Мы дадим тебе форму. Плоть. Голос. Ты сможешь говорить. Сможешь касаться. Сможешь быть не тенью, а существом. Разве ты не хочешь этого?

Две другие кикиморы зашептали, вторили ей, и их шёпот был как плеск воды, как шорох камыша. Лим колебался. Его холод стал неровным, рваным. Я впервые почувствовала в нём нечто похожее на желание. Не слабость — тоску. Тоску по тому, чего у него никогда не было.

— Лим, — позвала я тихо. — Лим, посмотри на меня.

Он не ответил. Но его холод чуть качнулся в мою сторону.
— Ты — не просто тень, — сказала я, глядя туда, где за моим плечом мерцали его искры. — Ты — моя Тень Жизни. Ты — часть меня, как я — часть тебя. Ты спас меня от смерти, от огня, от пропасти. Ты был со мной, когда я роди-

лась мёртвой и вернулась. Ты был со мной в Чёрной Топи. Ты — не обуза. Ты — моя сила. Моя вторая душа. И никакая плоть, никакой голос не стоят того, что у нас есть.

Я повернулась к кикиморам и подняла левую руку. Печать на ладони вспыхнула — круг ночного неба с крошечной звездой. Тёмное свечение по краю, дар Морены, запульсировало.

— Вы предлагаете ему стать тем, чем он никогда не был. Но он уже тот, кем должен быть. А теперь — верните Ягу. Или я заставлю вас.

Кикимора отдёрнула руку. Её лицо исказилось — не страхом, досадой. Она поняла, что Лима не соблазнить.

— Что ж, — прошипела она. — Не хочешь по-хорошему — будет по-плохому.

Она взмахнула рукой, и болото ожило. Кочки зашевелились, вода пошла пузырями, из трясины потянулись длинные, склизкие щупальца — не то корни, не то руки утопленников. Две другие кикиморы запели — высоко, пронзительно, и от их пения воздух стал густым, вязким, как кисель.

Лим рванулся вперёд, но я остановила его мыслью: «Нет.

Они питаются силой. Твоей, моей — любой. Не давай им».

Я подняла посох и ударила им о землю. Вернее, о кочку, на которой стояла. Раз, другой, третий. Гул пошёл по болоту, разрывая вязкую тишину. Кикиморы взвизгнули — ритм сбивал их песню, ломал чары.

— Яга! — крикнула я в туман. — Баба-яга! Вспомни, кто ты! Ты — Хранительница леса! Костяная Нога! Хозяйка избы на курьих ножках! Тебя ждёт Печур! Твоя печь! Твой дом! Вспомни!

Тишина. Потом — дрожь. Не земли. Воздуха. Где-то в глубине болота, за пеленой тумана, что-то шевельнулось. Кто-то большой, древний, забытый.

Кикиморы замерли. Их лица исказились — на этот раз страхом.

Из тумана вышла она.

Сгорбленная, в рваном сарафане, с косматыми седыми волосами, что свисали до пояса. Нос — длинный, крючковатый. Глаза — мутные, бездумные. Она шла, опираясь на клюку, и не смотрела по сторонам. Словно кукла. Словно пустая оболочка.

Но когда я снова ударила посохом и выкрикнула: «Яга! Вспомни печь! Вспомни огонь!» — она вздрогнула. Мутные глаза на миг прояснились, и в них мелькнуло что-то живое. Узнавание.

— Пе..чур? — прохрипела она голосом, похожим на скрип несмазанной двери. — Печур..мой..

Кикиморы завyli. Они бросились к ней, пытаясь снова опутать чарами, но я шагнула вперёд и выбросила левую руку. Тёмное свечение с печати сорвалось, как чёрная молния, и ударило в ближайшую кикимору. Та взвизгнула и рассыпалась облаком зелёной пыли. Две другие отпрянули.

Яга смотрела на меня. В её глазах больше не было мути. Только древняя, глубокая боль и пробуждающаяся ярость.

— Они украли, — проскрипела она. — Украли меня у меня у леса у Печура

Она выпрямилась — и стала выше, шире, страшнее. Не сторбленная старуха, а могучая Хранительница. Клюка в её руке засветилась зелёным.

— Прочь! — рявкнула она на кикимор. — Прочь с моего

болота! Это не ваше! Это моё! Лесное!

Кикиморы, визжа, бросились врассыпную и растворились в тумане. Болото затихло. Только вода пузырилась там, где они только что стояли.

Яга повернулась ко мне. Тяжело дыша, опираясь на клюку. Потом медленно, словно через силу, поклонилась — низко, в пояс.

— Ты вернула мне память, ведунья, — сказала она, и голос её был глухим, но твёрдым. — Теперь я у тебя в долгу. В вечном долгу. Проси чего хочешь. Я — Баба-яга, Хранительница леса. Я знаю все тропы, все тайны, все корни Буяна. Что тебе нужно? Путь к Древу Нави? Защита от нечисти? Зелье от любой хвори?

Я посмотрела на неё — на эту древнюю, могучую, израненную, но не сломленную. Вспомнила Печура, его одинокую печь, его угольки-глаза, полные слёз.

— Вернись к Печуру, — сказала я. — Он ждёт тебя. Веками ждёт. Это всё, что мне нужно. А путь к Древу я найду сама. Но если захочешь помочь — я не откажусь.

Яга выпрямилась. В её глазах блеснуло что-то похожее на

благодарность. Или на уважение.

— Хорошо, — сказала она. — Я вернусь. И я помогу. Не сейчас. Когда придёт время, я приду. А пока

Она протянула руку, и на ладони у неё оказался маленький, тёмный клубок — из нитей, что светились слабым зелёным светом.

— Это путеводная нить. Она приведёт тебя к Древу Нави, минуя ложные тропы. Брось её перед собой, и она покажет путь. Но помни: нить приведёт только к Древу. Что будет дальше — решать тебе.

Я взяла клубок. Он был тёплым, живым, пахнул мхом и старой корой. Я спрятала его за пазуху, рядом с пером.

— Спасибо, Яга.

Она кивнула. Потом повернулась и пошла прочь — через болото, по кочкам, легко, словно по твёрдой земле. Туман расступался перед ней, а за спиной сгушался снова. Вскоре только зелёный огонёк её клюки мелькал вдали, а потом и он погас.

Мы с Лимом остались одни на краю Кикиморьего болота. Я посмотрела на левую ладонь. Тёмное свечение почти

погасло, осталась лишь тонкая полоска по краю печати. Дар Морены почти исчерпан. Но у меня теперь есть клубок Яги. И её обещание.

— Идём, — сказала я Лиму. — Нам пора к Древу.

Он скользнул ближе, и его холод был спокойным, ровным. Я знала: он не жалеет, что отверг предложение кикимор. Он выбрал меня. Как и всегда.

Я развернулась и пошла прочь от болота, туда, где лес снова становился живым, а не гнилым. Впереди был путь к Древу Нави. К Сердцу Вечной Ночи. К тому, что изменит всё.

А где-то за спиной, в глубине острова, старая печь на курьих ножках снова почувствовала тепло. Не от огня — от надежды. Хозяйка возвращалась домой.

Глава 4 Леший

Я шла от болота, и лес вокруг менялся. Медленно, незаметно сперва, а потом всё разительнее. Словно кто-то взял привычный мир и вывернул его наизнанку, как старый тулуп, — швами наружу, подкладкой к небу.

Первым, что бросилось в глаза, была ель. На её нижних ветках, в добрых трёх саженьях над землёй, висели сапоги. Не один — пара. Старые, кожаные, с потёртыми подошвами и стоптанными каблуками. Они покачивались на ветру, словно кто-то аккуратно поставил их туда на просушку, да так и забыл. Я остановилась, задрав голову. Сапоги на ели. В сажени от земли. Без владельца.

— Стало быть, нечисть шалит, — пробормотала я вслух и тут же прикусила язык. «Стало быть»? Откуда это взялось? Я никогда так не говорила. Никогда. Слово-паразит просочилось в мысли, как болотная вода в щели сапог, и засело там. Я тряхнула головой, отгоняя наваждение. Не помогло. «Стало быть» пульсировало на кончике языка, готовое выскочить при каждом удобном случае.

Лим за спиной шевельнулся. Его холод стал неровным —

не тревожным, а скорее озадаченным. Он тоже чувствовал неправильность этого места, но не опасность. Скорее, чью-то злую шутку, затянувшуюся на века.

Я двинулась дальше. Лес становился всё более вывернутым. Грибы росли шляпками вниз, прилепившись к нижней стороне ветвей, словно кто-то перевернул саму землю. Мох покрывал стволы не с северной стороны, а с южной, и тянулся вверх, к кронам, будто пытался сбежать. Ручей, встретившийся на пути, тёк не вниз по склону, а вверх, журча и переливаясь, и вода в нём была не прозрачной, а зеленоватой, словно настоянной на старых листьях.

А посреди тропы лежала подушка. Пуховая, в цветастой наволочке, аккуратно взбитая. Лежала и ждала. Я обошла её стороной, стараясь не задеть даже краем плаща. Мало ли.

И тут я заметила пропажу.

Рука сама метнулась к левой ладони — туда, где из звезды на печати рос прозрачный кристалл. Я привыкла ощущать его холодную грань кожей, даже не прикасаясь. Он всегда был там — дар Морены, что мог стать клинком, ключом или разрезать нить судьбы.

Теперь его не было.

Печать осталась — круг ночного неба с крошечной звездой. Но кристалл исчез. Вместо него на ладони лежало маленькое рыжее пёрышко с белой крапинкой. Чужое. Птичье. Тёплое, словно его только что обрели.

Я замерла. Лим за спиной стал плотнее, холоднее — он тоже понял. Кристалл пропал. Один из трёх даров, самый вещественный, самый опасный, самый нужный. А вместо него — чужое пёрышко, словно насмешка.

И тут я услышала смех.

Тонкий, дребезжащий, как звон разбитой глиняной посуды. Он доносился откуда-то сверху, из кроны старого вяза, что стоял у тропы, склонившись так низко, что ветви почти касались земли. Я подняла голову.

На ветке, свесив босые ноги, сидело существо. Маленькое, не выше кошки, но сложением напоминало сморщенного старичка. Кожа — как древесная кора, вся в трещинах и наростах. Волосы — пучок сухой травы, торчащий во все стороны. Глаза — две блестящие пуговицы, разные: одна чёрная, другая зелёная. Одето в лоскуты, на голове — шапка из мха. В руках оно вертело мой кристалл, подбрасывая его и ловя, и прозрачные грани вспыхивали на солнце радужны-

ми искрами.

— Ряха, — выдохнула я.

Имя пришло само, как знание о лесных духах приходит к ведунье, что всю жизнь слушает тишину. Ряха — дух несурности, путаник, шутник. Не злой, но въедливый, как заноза. Он не ворует — он меняет. Играет. Переставляет вещи с места на место, чтобы мир стал чуть-чуть неправильным. Чтобы люди спотыкались на ровном месте и чесали в затылке.

— Отдай, — сказала я, стараясь, чтобы голос звучал твёрдо. — Это моё, стало быть. Отдай, стало быть, по-хорошему, стало быть.

Я снова прикусила язык. Да что ж такое! «Стало быть» лезло из меня, как трава сквозь щели в полу. Словно кто-то прицепил к моей речи этот сорняк, и теперь он рос, цвёл и не желал убираться.

Ряха захихикал громче. Подбросил кристалл в воздух, поймал, покрутил на пальце.

— Твоё? — проскрипел он голосом, похожим на трение веток. — А может, моё теперь? Ты тут ходишь, порядок на-

водишь, вещи по местам расставляешь. Ску-у-учно. А я веселюсь. Давай меняться? Ты мне — кое-что вернёшь, я тебе — кристалл обратно.

Я сжала посох. Лим за спиной стал ледяным — он готов был вмешаться. Но я чувствовала: здесь не нужна сила. Ряха не враг. Он — как дитя, что балуется без злого умысла. Но в его словах мелькнуло что-то ещё. Не просто желание поиграть. Тоска. Глубокая, застарелая, спрятанная под маской шутовства.

— Что ты хочешь? — спросила я, заставляя себя говорить медленно, чтобы «стало быть» не проскочило. Получилось не сразу: — Что тебе нужно?

Ряха перестал смеяться. Спустился с ветки, легко спрыгнув на землю, и встал передо мной, задрал голову. Ростом он был мне до колена. Пуговичные глаза смотрели снизу вверх, и в них больше не было веселья. Только усталость. И боль.

— Верни меня, — сказал он тихо, и голос его впервые прозвучал не скрипом, а почти человеческой печалью. — Верни мне мой истинный облик. Я не всегда был ряхой. Когда-то я был другим. Хозяином этого леса. Лешим.

Я замерла. Леший. Хозяин леса, его душа и страж. Тот,

кто оберегает чашу, путает тропы не со зла, а для защиты, и наказывает тех, кто приходит с дурным умыслом. И этот сморщенный, жалкий дух-путаник когда-то был им?

— Что с тобой случилось? — спросила я, опускаясь на корточки, чтобы быть с ним вровень.

Ряха — или тот, кто им был, — опустил глаза. Его пальцы, похожие на сухие веточки, теребили край лоскутной одежды.

— Кощей, — выдохнул он, и имя это прозвучало как проклятие. — Кощей Бессмертный. Он пришёл в мой лес много веков назад. Мы поссорились. Я не пускал его к Древу Нави, к Сердцу Вечной Ночи, которое он искал. Он не смог меня убить — я дух, бессмертный, как сама чаша. Но он смог меня вывернуть. Превратил в это, — он обвёл себя руками, — в ряху. В шута. В того, кто путает вещи и не может ничего удержать в порядке. А лес лес он перевернул вместе со мной. Теперь здесь всё наизнанку. И я не могу ничего исправить. Не могу вернуть себе прежний облик. Не могу прогнать его чары.

Он поднял на меня глаза, и в них блеснуло отчаяние.

— Я слышал, кто ты, ведунья. Ты — та, что ходит между мирами. Та, что спасла Бабу-ягу из Кикиморьего болота. Та,

кого сама Морена призвала. Если кто и может мне помочь — только ты. Пойди к Кощею. Убеди его снять проклятие. Верни мне мой лес. Верни мне меня.

Он протянул мне кристалл — не как предмет торга, а как жест отчаяния.

— Я верну тебе это. И не только. Я проведу тебя через лес кратчайшим путём, куда захочешь. Я знаю все тропы, даже перевёрнутые. Только помоги.

Я взяла кристалл. Он был холодным, живым, и, коснувшись печати, тут же врос обратно в звезду, словно никогда не исчезал. Я посмотрела на ряху — на его пуговичные глаза, на травяные волосы, на дрожащие руки-веточки. И вспомнила Печура. Его тоску по Яге. Его мольбу. Теперь — ещё одна. Лес Буяна был полон сломанных судеб, и каждая тянулась ко мне, как к последней надежде.

— Где найти Кощея? — спросила я.

Ряха вздрогнул, не веря, что я согласилась. Потом в его глазах вспыхнула робкая искра надежды.

— Его царство — за Калиновым мостом, за рекой Смоудиной. Туда нет прямого пути, но я знаю тропу. Я прове-

ду тебя. Только — он замялся, — там, у моста, тебя ждёт страж моста. Он молчалив и служит Кощею. Будь осторожна. И ещё — он посмотрел на Лима, на его плотную, холодную форму, — твоя тень. Она сильна. Но Кощей он древний. Очень древний. Не дай ему заглянуть в твоё сердце. Он умеет находить слабости.

Я кивнула, поднимаясь.

— Веди, — сказала я. — Показывай свою тропу. А с Кощеём я как-нибудь договорюсь. Стало быть.

Последнее слово вырвалось само, и я поморщилась. Ряха — бывший леший — впервые за долгое время улыбнулся. Не дребезжаще, не по-дурацки. Печально, но с благодарностью.

— Это пройдёт, — сказал он. — Слово-паразит. Это лес так шутит надо мной и над теми, кто здесь проходит. Когда я снова стану собой, лес перестанет выворачивать слова и вещи. Идём.

Он развернулся и зашагал в чащу — маленький, нелепый, но с прямой спиной. Я пошла за ним, и Лим скользнул следом, холодный и собранный. Впереди был путь к реке Смородине, к Калинову мосту, к перевозчику. А за ними — Кощей Бессмертный. Тот, кто умеет находить слабости. Тот,

кто вывернул лес и его хозяина наизнанку. Тот, с кем мне предстояло договориться — или сразиться.

Я сжала посох. Печать на ладони пульсировала ровно. Кристалл был на месте. Путеводный клубок Яги лежал за пазухой. Перо ряхи — там же. И где-то далеко, за этими испытаниями, ждало Древо Нави и Сердце Вечной Ночи. Но сначала — Кощей. Потому что нельзя пройти мимо того, кто просит вернуть ему себя. Нельзя быть ведуньей и не помочь лесу, который вывернут наизнанку. Такова моя доля. Моя правда. Моя Грань.

Лес впереди сгущался, но тропа, по которой вёл ряха, была ровной и прямой. Он знал своё дело — даже в перевёрнутом мире, даже в чужом обличье. Бывший леший вёл меня к тому, кто его сломал. И я шла. Потому что кто-то должен.

Глава 5 Калинов мост

Ряха вёл меня сквозь перевёрнутый лес, и я шла за ним, стараясь не отвлекаться на диковины, что мелькали по сторонам. Грибы шляпками вниз. Птичьи гнёзда на земле. Корни деревьев, торчащие в небо, словно мёртвые пальцы. Лес был болен, вывернут наизнанку чарами Кощея, и каждый шаг по нему отдавался в груди глухой, ноющей болью — словно я ступала по раненому зверю.

Лим скользил за плечом — собранный, холодный, как клинок в ножнах. После встречи с кикиморами он стал ещё молчаливее, но я чувствовала: он не жалеет. Он выбрал. И теперь его холод был не просто защитой, а обещанием — быть рядом, что бы ни ждало впереди.

Ряха остановился у края оврага, заросшего седым мхом и низким кустарником. Дальше деревья расступались, и за ними открывалось странное, мертвенное сияние — не солнечное, не лунное, а словно исходящее от самой земли.

— Дальше я не пойду, — проскрипел он, и в его пуговичных глазах мелькнул страх. — Там владения Кощея начинаются. За этим оврагом — река Смородина, а через неё —

Калинов мост. На том берегу его царство. Я я не могу туда. Он меня опять..

Он осёкся и сжался, став ещё меньше. Я опустилась на корточки, заглянула в его разноцветные глаза.

— Ты уже помог, — сказала я тихо. — Ты вывел меня. Теперь иди. Жди на опушке. Когда я вернусь от Кощея, я приду за тобой. И ты снова станешь собой. Обещаю.

Он посмотрел на меня долгим, недоверчивым взглядом — так смотрит тот, кто уже забыл, что такое вера. Потом кивнул, развернулся и исчез в кустах, только ветки качнулись.

Я выпрямилась и шагнула за край оврага.

Река Смородина лежала передо мной, чёрная и маслянистая. Она не текла — дышала, медленно вздымаясь и опускаясь, словно грудь спящего зверя. Над водой клубился туман, густой, желтоватый, пахнувший серой и чем-то сладковато-гнилостным. Смородина — от слова «смрад». Река, отделяющая мир живых от мира мёртвых. Река, через которую нет брода.

Через неё был перекинут мост.

Калинов мост. Не от ягод, не от кустов. От слова «калить» — жечь, накалять добела. Брёвна его были тёмными, почти чёрными, но от них исходил жар — сухой, древний, пахнущий раскалённым камнем и пеплом. Мост дрожал в мареве, и воздух над ним плавился, искажая очертания того берега.

У начала моста, опершись на длинное, тёмное копьё, стоял страж моста.

Он был высок и широк в плечах, словно вытесан из морёного дуба. Одет в грубую холщовую рубаху, подпоясанную верёвкой. Лицо — как старая кора: глубокие трещины морщин, тёмные провалы глаз, губы, сжатые в тонкую линию. Борода — серый мох. Волосы — пакля, выбеленная временем. Он не двигался, но я знала: он ждал меня. Ждал давно.

Я подошла и остановилась в трёх шагах.

— Здравствуй, — сказала я, и голос мой прозвучал глухо, словно тонул в густом воздухе.

Страж медленно, как старая ветвь под ветром, повернул голову. Тёмные провалы глаз уставились на меня — и в них не было ни угрозы, ни любопытства. Только древнее, безмерное терпение. Он не заговорил. Только протянул мне чашу.

Глиняная, грубой работы, с неровными краями. Внутри колыхалось что-то тёмное, густое, пахнущее травами — горькими, терпкими, с едва уловимой сладостью на дне. Отвар забудь-травы. Той самой, что стирает самые тяжёлые воспоминания.

Я посмотрела на чашу, потом на стража.

— Я не буду пить, — сказала я твёрдо. — Мне нужно помнить. Всё. Даже боль.

Он не убрал чашу. Только провалы его глаз чуть сузились, словно он оценивал мои слова. Потом он медленно, очень медленно кивнул. Чаша исчезла — просто растаяла в воздухе, будто её и не было.

— Ты — первая, кто отказался, — произнёс он, и голос его был как скрип старого дерева, но в нём слышались нотки удивления. — Все, кто шли к Кощею, пили. Хотели забыть страх. Или стыд. Или тоску. Ты — не хочешь.

— Я — ведунья, — ответила я. — Я живу памятью. Даже горькой. Она — моя сила.

Он снова кивнул, на этот раз с едва заметным уважением.

— Ты ищешь путь к Кощею, — сказал он не вопрос, а утверждение. — Я пропущу тебя через мост и укажу дорогу. Но знай: мост калёный. Он жжёт не тело — душу. Выжигает слабость. Оставляет только суть. Готова ли ты?

Я сжала посох. Лим за спиной стал плотнее, словно готовился принять часть жара на себя.

— Готова.

Страж отступил, освобождая проход. Его копьё глухо стукнуло о землю.

— Тогда иди. Не оглядывайся. Не останавливайся. И помни: что бы ни увидела на том берегу — не верь глазам. Кощей умеет принимать обличья. Настоящий он только в своём дворце, за тремя дверями. Иди прямо, никуда не сворачивай. Увидишь чёрный терем с костяной крышей — там он.

Я кивнула и шагнула на мост.

Первое, что я почувствовала — жар. Он поднимался сквозь подошвы сапог, обжигал ступни, поднимался выше, к коленям, к бёдрам, к животу. Калинов мост жёг меня — не плоть, а то, что было под ней. Страхи. Сомнения. Жела-

ние повернуть назад. Всё это плавилось, стекало, как воск, и уходило в чёрные брёвна.

Было больно. Очень. Я шла, стиснув зубы, сжимая посох так, что костяшки побелели. Лим за спиной то ли горел вместе со мной, то ли защищал — его холод смешивался с жаром моста, и от этого контраста кружилась голова. Шаг. Ещё шаг. Ещё.

Под мостом, в чёрной воде Смородины, что-то шевелилось. Тени — длинные, извивающиеся — тянулись к моим ногам, но не могли коснуться. Шептали. Звали. Обещали покой. Я не слушала. Я шла.

И с каждым шагом что-то внутри меня менялось. Не исчезало — очищалось. Становилось яснее, твёрже, звонче.словно с души сдирали старую кожу, под которой была новая, живая.

Мост кончился.

Я ступила на тот берег — и жар схлынул разом, оставив только лёгкое гудение в костях. Я обернулась. Страж всё так же стоял у начала моста. Он поднял руку — не прощаясь, а словно благословляя. Или предупреждая.

Я повернулась и пошла вперёд.

Тот берег был иным. Земля — серая, потрескавшаяся, словно её выжгло солнце, которого здесь никогда не было. Деревья стояли мёртвые, с голыми, скрюченными ветвями, похожими на кости. Тишина звенела в ушах — ни пения птиц, ни шороха листьев. Только мои шаги и холод Лима за плечом.

Я шла прямо, как велел страж, и вскоре увидела его.

Чёрный терем. Высокий, островерхий, сложенный из тёмных, почти чёрных брёвен. Крыша его была покрыта не черепицей, а костями — человеческими, звериными, не разобрать. Они лежали плотно, словно чешуя, и слабо светились в сумраке мертвенным, зеленоватым светом. Окна — узкие, как бойницы, — горели тусклым, багровым огнём.

Дверей было три. Одна — обитая железом, с тяжёлым кольцом. Вторая — деревянная, с вырезанным на ней глазом. Третья — костяная, с руной, которую я не знала.

Страж сказал: «Настоящий он только за тремя дверями». Но какую выбрать? Я подошла ближе и положила ладонь на печать. Кристалл в звезде чуть потеплел. Тёмное свечение по краю — дар Морены — едва заметно пульсировало.

Я закрыла глаза и прислушалась. Не к звукам — к тишине. И в этой тишине, где-то глубоко, на грани слышимого, билось сердце. Медленно, размеренно, как древний барабан. Оно звало из-за третьей двери — костяной.

Я открыла глаза, взялась за костяную ручку и потянула. Дверь отворилась без скрипа. За ней была тьма — густая, осязаемая, пахнущая пылью веков и холодным железом.

Я переступила порог. Лим скользнул следом, и его холод стал острее — он готовился к встрече.

Где-то в глубине тьмы раздался голос — низкий, рокошующий, похожий на грохот далёкого грома:

— Кто смеет тревожить покой Кощея Бессмертного?

Я сжала посох и ответила:

— Та, что пришла вернуть долг. И попросить о милости.

Тьма впереди дрогнула, расступилась, и я увидела его.

Глава 6 Кощей

Тьма расступилась не сразу. Она была густой, вязкой, как болотная жижа, и пахла пылью веков, холодным железом и чем-то сладковато-тленным — не то увядшими цветами, не то старой кровью. Я сделала шаг, другой, третий — и тьма отступила, словно нехотя, обнажив внутренность терема.

Зал был огромен. Потолок терялся во мраке, стены — сложены из того же чёрного камня, что и снаружи, но здесь они были покрыты рунами, светящимися тусклым, багровым светом. Они пульсировали, как вены, и от них исходил низкий, почти неслышный гул — словно само здание дышало. Посередине зала, на возвышении из костей — человеческих, звериных, неведомых — стоял трон. Высокий, с прямой спинкой, выкованный из тёмного железа, проржавевшего по краям.

На троне сидел он. Кощей.

Я ожидала увидеть старика. Иссохшего, сгорбленного, с длинной седой бородой и крючковатыми пальцами, как в сказках. Но он был иным. Высокий, сухой, но не сгорбленный — прямой, как меч. Лицо — бледное, с резкими, хищ-

ными чертами, кожа туго обтягивала скулы. Глаза — глубоко посаженные, тёмные, как два колодца, в которых не отражался свет. Волосы — длинные, чёрные с проседью, стянутые в хвост на затылке. Одет в тёмный кафтан, расшитый серебряной нитью, но нить эта потускнела, местами оборвалась.

Он не был стар. Он был древен. Не мёртвый, не живой — застывший между, как и я сама.

Лим за моим плечом сжался, стал плотнее, холоднее. Он чувал силу — древнюю, огромную, но надломленную. Как старый дуб, в который ударила молния: стоит, но внутри — пустота.

Я остановилась в десяти шагах от трона. Посох сжала обеими руками, но не для удара — для опоры. Кошечей смотрел на меня, и в его глазах не было ни ярости, ни любопытства. Только усталость. Бесконечная, вселенская усталость, от которой веяло холодом сильнее, чем от Лима.

— Ведунья, — произнёс он, и голос его был как скрежет камней под землёй. — Марьяна. Та, что родилась мёртвой и вернулась. Та, что ходит между. Я ждал тебя.

— Ты знал, что я приду? — спросила я, стараясь, чтобы

голос не дрожал.

— Знал, — он чуть склонил голову набок, и в этом движении было что-то птичье, хищное. — С того самого мига, как ты ступила на Буян. А может, и раньше. Время здесь течёт иначе. Я вижу его всё сразу — прошлое, настоящее, будущее. Они как нити в клубке. Твоя нить — особенная. Она тянется через все миры и не рвётся.

Он замолчал, разглядывая меня. Я молчала тоже. Пусть говорит. Я пришла слушать.

— Ты пришла просить за лешего, — продолжил он. — За того, кого я превратил в ряху, а его лес — в перевёрнутое нелепое место. Хочешь, чтобы я снял чары. Вернул ему облик. Вернул лесу порядок.

— Да, — сказала я прямо. — Зачем ты это сделал? Что он тебе сделал?

Кощей усмехнулся — криво, невесело. В его усмешке не было злобы. Только горечь. Старая, как мир.

— Он встал у меня на пути, — ответил он. — Не пускал к Древу Нави. К Сердцу Вечной Ночи. Сказал, что лес не для таких, как я. Что я несусь только смерть и разрушение. Что мне

не место среди живых корней. — Он хмыкнул. — Может, он был и прав. Но я не привык, чтобы мне указывали, где моё место. Я — Кощей. Бессмертный. Я сам выбираю, куда идти и что нести.

Он поднялся с трона. Медленно, как старая пружина, что ещё держит, но вот-вот лопнет. Спустился с костяного возвышения и подошёл ближе. Остановился в пяти шагах. Я видела его лицо теперь ясно — и в нём, под маской древней гордыни, пряталось что-то ещё. Боль. Одиночество. Тоска.

— Ты думаешь, я вселенское зло, ведунья? — спросил он тихо. — Думаешь, я родился таким? Бессмертным, жестоким, одиноким?

Я молчала.

— Я не родился, — сказал он, глядя куда-то мимо меня, в темноту. — Меня сделали. Давно. Так давно, что я уже не помню лиц тех, кто это сотворил. Помню только холод. И боль. И слово, которое впечатали в мою суть: «Будь». Будь бессмертным. Будь хранителем равновесия. Будь тем, кого боятся и ненавидят, чтобы было на кого свалить все беды мира. И я стал. Потому что не умею иначе. Потому что меня таким сделали.

Он замолчал. В зале повисла тишина — тяжёлая, как камень. Я смотрела на него и видела не чудовище. Видела сло-мленную душу, запертую в бессмертном теле, обречённую на вечное одиночество. Он не был злом. Он был щитом, кото-рый выковали слишком грубо и бросили ржаветь на границе миров.

— Ты одинок, — сказала я не вопрос — утверждение.

Он вздрогнул. Едва заметно, но я увидела.

— Я бессмертен, — ответил он глухо. — А бессмертие — это одиночество. Все, кого я знал, ушли. Враги, друзья, лю-бимые. Даже боги меняются, а я остаюсь. Вечно. Без конца. Без смысла.

Он повернулся ко мне, и в его глазах вспыхнул огонь — не ярости, а отчаяния.

— Ты пришла просить за лешего. Хорошо. Я сниму чары. Верну ему облик. Верну лесу порядок. Но у меня есть цена.

Я сжала посох.

— Какая?

Он подошёл ещё ближе — теперь между нами было не больше двух шагов. Его глаза смотрели в мои, и в их глубине я видела не тьму — пустоту. Зияющую, бесконечную, голодную.

— Я устал, Марьяна, — сказал он почти шёпотом. — Устал быть тем, кого боятся. Устал быть один. Я не прошу любви. Не прошу дружбы. Я прошу возможности. Ты идёшь к Древу Нави. К Сердцу Вечной Ночи. Морена послала тебя за ним, чтобы снова стать целой — и Смертью, и Жизнью. Но Сердце может дать не только это. Оно — осколок первозданной тьмы, из которой вышли все мы. Боги, духи, люди. Оно может изменить суть. Любую суть. Даже мою.

Он протянул руку — бледную, с длинными пальцами, — но не коснулся меня. Просто остановил в воздухе, почти касаясь моего плеча.

— Когда ты добудешь Сердце, — продолжил он, — не отдавай его сразу Морене. Принеси его мне. На один миг. Только коснуться. Я хочу я хочу перестать быть бессмертным. Не умереть — нет. Просто получить возможность жить. Как все. С началом и концом. С правом на ошибку. С правом на прощение. С правом на смерть, когда придёт срок.

Он опустил руку и отступил.

— Вот моя цена, ведунья. Согласись — и леший свободен. Лес исцелён. А я я подожду. Я умею ждать. Веками.

Я молчала. В висках стучало. Лим за спиной был ледяным — он не доверял Кощею. Но я смотрела в глаза Бессмертного и видела там не ложь. Видела тоску — такую глубокую, что она могла бы затопить все болота Буяна.

— А если я откажусь? — спросила я тихо.

Кощей пожал плечами.

— Тогда леший останется ряхой. Лес — перевёрнутым. А ты пойдёшь своей дорогой. Я не держу тебя. Я никого не держу. Я только жду.

Я думала. Сердце Вечной Ночи. Морена хотела его, чтобы снова стать целой — и Смертью, и Жизнью. Кощей хочет его, чтобы перестать быть бессмертным — и начать жить. Два древних существа, две сломанные судьбы, и обе тянутся к одному осколку тьмы. А я — та, кто должна его добыть. Та, кто может решить, кому он достанется.

— Я не могу обещать, — сказала я наконец. — Я не знаю, что будет у Древа. Не знаю, смогу ли вообще добыть Сердце.

Но если смогу я приду к тебе. Дам коснуться. А дальше — пусть решает само Сердце. Или Морена. Или судьба.

Кощей смотрел на меня долго. Потом его губы дрогнули — не в усмешке, а в чём-то похожем на благодарность.

— Этого достаточно, — сказал он. — Ты не солгала. Не обещала того, чего не можешь. Это редкость.

Он поднял руку, и в воздухе перед ним замерцал знак — сложный, сплетённый из рун и теней. Он дунул на него, и знак рассыпался искрами.

— Готово, — сказал он. — Леший свободен. Его облик возвращается. Лес начнёт исцеляться. Это займёт время, но он снова станет собой.

Я почувствовала, как где-то далеко, за рекой Смородиной, за Калиновым мостом, дрогнула земля.словно огромный зверь вздохнул с облегчением. Лес оживал.

— Иди, — сказал Кощей, возвращаясь к трону. — Твой путь к Древу Нави ещё долог. А мне нужно побыть одному. Я привык.

Он сел на трон, откинулся на спинку и закрыл глаза. В

зале снова сгустилась тьма, скрывая его лицо.

Я повернулась и пошла к выходу. Лим скользнул за мной — молчаливый, но уже не такой напряжённый. Кажется, даже он понял: Кощей — не враг. Просто ещё одна душа, запертая в клетке бессмертия.

У порога я обернулась.

— Кощей, — позвала я.

Он не ответил, но я знала, что он слышит.

— Я вернусь. С Сердцем. Или без него. Но вернусь.

Тьма за моей спиной дрогнула, и мне почудилось, что в ней мелькнула тень улыбки.

Я вышла из чёрного терема. Костяная дверь захлопнулась за спиной. Впереди был Калинов мост, страж с копьём, а за ними — исцеляющийся лес и леший, что ждал на опушке. А ещё дальше — Древо Нави и Сердце Вечной Ночи.

Я сжала посох и пошла. Лим скользнул следом. В груди было странное чувство — не радость, не печаль. Скорее, понимание. Что мир не делится на чёрное и белое. Что даже

Бессмертный может быть одинок. Что даже Смерть может хотеть стать Жизнью.

И что я — Марьяна, ведунья, Страж Порога — каким-то образом стала той, кто может дать им надежду. Всем им. Морене, Кощею, лешему, Печуру, Яге. Всем, кто заперт в своих вечных ролях и хочет просто быть.

Я шла, и Калинов мост снова жёг мои ступни. Но теперь этот жар не пугал. Он очищал. Готовил к тому, что ждало впереди.

А где-то далеко, в чёрном тереме, Кощей Бессмертный сидел на троне из костей и впервые за много веков не чувствовал себя совсем одиноким. Потому что одна живая душа пообещала вернуться. И он, Бессмертный, умеющий ждать вечность, теперь ждал с надеждой. Что, может быть, эта вечность когда-нибудь закончится.

Глава 7 Мёртвое озеро

Я вышла из чёрного терема Кощея, и мир за его порогом показался мне оглушительно живым. Даже мёртвые деревья, даже серая, потрескавшаяся земля, даже тяжёлое, низкое небо — всё это дышало, двигалось, существовало. А там, внутри, была только вечность. Неподвижная. Беззвучная. Бесконечная.

Лим скользил за плечом — собранный, холодный, но уже не такой напряжённый, как перед встречей с Бессмертным. Он словно понял: Кощей нам не враг. Он — пленник, который даже не просит освобождения. Только надеется. Только ждёт.

Я шла обратно через Калинов мост. Жар его больше не пугал — он казался почти родным, как тепло печи в бабушкином доме. Мост очищал, выжигал сомнения, оставлял только суть. И суть моя была проста: я — Марьяна, ведунья, Страж Порога. Я иду к Древу Нави за Сердцем Вечной Ночи. А по пути помогаю тем, кто просит. Потому что не могу иначе. Потому что в этом моя Грань.

Страж у начала моста всё так же стоял, опершись на ко-

пѣ. Он кивнул мне — молча, но в его пустых глазницах мне почудилось одобрение. Я прошла мимо, не останавливаясь. Впереди был лес — уже не перевёрнутый, а исцеляющийся. Я чувствовала это кожей: земля дрожала едва заметно, словно глубоко под корнями что-то просыпалось и расправляло плечи. Леший возвращался к себе. Лес возвращался к порядку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.